

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Г. Б. КАРНОВИЧ

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва, 1956 г.

209344

A

W

I.

Работа «Вещественные доказательства в советском уголовном процессе» является процессуальным и криминалистическим исследованием, в котором автор, обобщая следственную и судебную практику по конкретным уголовным делам, а также критически анализируя соответствующие литературные источники, стремится поставить и разрешить ряд вопросов, относящихся к институту вещественных доказательств, но не получивших до настоящего времени, по мнению автора, должного разрешения.

Исследование вопроса о вещественных доказательствах в советском предварительном следствии и в суде является весьма обширной темой. Данная работа охватывает вопросы, связанные с возникновением института вещественных доказательств и его развитием в условиях различных общественных формаций, в ней исследуется вопрос о месте вещественных доказательств в советском доказательственном праве, о классификации вещественных доказательств, и, на основе обобщения следственной и судебной практики, определяются основные положения, относящиеся к роли вещественных доказательств на предварительном следствии и в суде.

Работа состоит из краткого введения, четырех глав и кратких выводов. В приложенный список литературы вошли лишь те источники, на которые в работе имеются ссылки или которые подвергаются критическому разбору.

Первая глава посвящена вопросам возникновения и развития института вещественных доказательств. Она состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен вещественным доказательствам в уголовном процессе России до судебных реформ 60-х годов XIX столетия. Второй — посвящен вещественным доказательствам в уголовном процессе пореформенной России. Третий раздел освещает вопросы развития института вещественных доказательств в советском уголовном процессе.

Рассмотреть в одной работе ход исторического развития института вещественных доказательств во всех судебных процессах государств, ранее существовавших на территории СССР, было бы непосильной задачей. Поэтому в предлагаемой работе рассматриваются вопросы возникновения и развития этого института лишь в судебных процессах тех государств, которые оказали наиболее сильное влияние на возникновение и развитие института вещественных доказательств в судебном процессе царской России.

При изучении института вещественных доказательств за период до реформ 60-х годов XIX века использованы наиболее замечательные памятники древнерусского права, каковыми являются: Русская правда, Псковская и Новгородская судные грамоты, судебники 1497, 1550 и 1589 годов, уложение царя Алексея Михайловича и ряд других. К этому же периоду относятся Уставы Петра I и ряд других законодательных актов, изданных в России до реформ 60- годов.

Отдельно изучаются вещественные доказательства после судебных реформ 60-х годов XIX столетия. Этот период продолжался до Великой Октябрьской социалистической революции в России, которая уничтожила эксплуатацию человека человеком, а следовательно, и все законы, в качестве надстройки способствовавшие укреплению старого базиса.

Вместе с тем изучение развития института вещественных доказательств в дореволюционной России не может происходить в отрыве от изучения некоторых вопросов, относящихся к роли вещественных доказательств в уголовных процессах других эксплуататорских государств. Поэтому в работе использованы и приводятся отдельные данные о развитии этого института в уголовных процессах западных государств, однако лишь в тех пределах, которые необходимы для лучшего уяснения того, что происходило в дореволюционной России.

Анализ развития института вещественных доказательств в дореволюционной России и сопоставление данных этого анализа с соответствующими данными о вещественных доказательствах в уголовных процессах других эксплуататорских государств еще раз подтверждают то положение, что развитие этого, как и всех других институтов, целиком зависело от тех общественных отношений, которые имели место в различные периоды существования данного государства.

Недоверие, которое питали к судебным и следственным органам эксплуататорского государства широкие массы на-

селения, и нежелание последних оказывать содействие этим органам в их деятельности, направленной, главным образом, против трудящихся, затрудняли возможность получения свидетельских показаний. Поэтому следственная и судебная практика того периода пошла по линии привлечения в качестве доказательств «немых свидетелей», т. е. вещественных доказательств.

Эта тенденция получила широкое отражение и в юридической литературе того периода, в частности, в работах Ганса Гросса.

Привлечение в качестве доказательств «немых свидетелей», вместо свидетельских показаний, в ряде случаев давало возможность следственным и полицейским органам фальсифицировать доказательства. При наличии недобросовестных экспертов это вполне удавалось, и вещественные доказательства начинали «говорить» то, что было нужно ведущему расследование.

Однако, позднее, когда с развитием империализма возникла застойная форма безработицы, последствием которой явилось деклассирование части пролетариата, навсегда потерявшей надежду получить работу, появилась возможность вербовки лжесвидетелей из числа люмпенпролетариев. Одновременно полицейским и следственным органам иногда удавалось вербовать лжесвидетелей и из числа наименее устойчивых трудящихся, которые давали нужные для следствия показания под влиянием страха остаться без работы. Таким путем была превращена в свидетельницу со стороны обвинения Мэри Сплайн по делу Сакко и Ванцетти, которая фактически не могла видеть того, кто сидел в автомашине, удалявшейся с места совершения преступления. Таким же путем понудили Люиса Пельцера стать свидетелем по тому же делу. Этот свидетель не мог опознать предъявленных ему Сакко и Ванцетти. Тогда его уволили с работы. Оставшись без работы и средств к существованию, Пельцер дал нужные полиции показания. После этого он был вновь принят на прежнюю работу.

В этот же период в роли свидетелей стали выступать всякого рода платные агенты.

В связи с появлением возможности вербовать «свидетелей» фетишизация вещественных доказательств в этот период значительно ослабла.

Третий раздел этой главы, являющийся основным, посвящен вопросам развития института вещественных доказательств в советском уголовном процессе.

Всемерное укрепление советского правосудия, как части надстройки над социалистическим базисом, является одним из средств укрепления советского социалистического государства. Укрепление советского правосудия неразрывно связано с всемерным развитием всех отраслей советского социалистического права. Следовательно, приобретает исключительно большое значение и теория судебных доказательств в советском праве, представляющая собой одну из наиболее важных и ответственных частей науки о процессуальном праве и судебном процессе. Теория судебных доказательств, как составная часть уголовного и гражданского процессуального права, не может рассматриваться в отрыве от права в целом, как надстройки над соответствующим базисом.

Задачи советского правосудия, как известно, имеют коренное отличие от задач правосудия эксплуататорских государств. Коренное отличие задач советского правосудия от задач правосудия эксплуататорских государств и обуславливает то значение для советских юристов, которое приобретают вопросы развития советского доказательственного права, в том числе и развитие института вещественных доказательств. Поэтому в работе данному вопросу и посвящен специальный раздел.

Вторая глава посвящена месту вещественных доказательств в советском доказательственном праве. Она состоит из общих замечаний по данному вопросу и трех разделов. Первый раздел освещает вопросы, связанные с отношением вещественных доказательств к главному и доказательственному фактам. Второй раздел посвящается вещественным доказательствам, как источникам сведений о фактах, подлежащих доказыванию, и третий раздел рассматривает вопросы соотношения вещественных доказательств и письменных документов.

В главе подробно рассматриваются понятия «вещественные доказательства» и «следы», поскольку, ни в зарубежной и русской дореволюционной литературе, ни в научных работах, изданных в СССР, этот вопрос достаточно не освещался. В некоторых работах «следы» ставятся рядом с «вещественными доказательствами», в других работах «вещест-

венные доказательства» рассматриваются, как составная часть «следов», а в третьих, наоборот, «следы» являются своего рода вещественными доказательствами. Поскольку такое различие точек зрения создает условия для различных нарушений процессуальных требований, предъявляемых к судебным доказательствам, автор пытается внести необходимую ясность в данный вопрос.

В первом разделе рассматривается отношение вещественных доказательств к главному и доказательственному фактам. В результате анализа соответствующих материалов автор делает вывод, что вещественные доказательства нет оснований относить только к косвенным или только к прямым доказательствам. В зависимости от конкретных условий они могут быть как прямыми, так и косвенными доказательствами. К таким выводам автор пришел, проанализировав весь вопрос о прямых доказательствах. Этот анализ дал основания для вывода о том, что ни одно доказательство (за редкими исключениями) не доказывает всего главного факта, т. е. совершения преступления определенным лицом. Обычно, прямыми доказательствами признаются такие, которые непосредственно доказывают лишь отдельные элементы главного факта, чаще всего объект и объективную сторону состава преступления. То же относится и к вещественным доказательствам.

Значительное место в разделе уделяется вопросам доказывания доказательственных фактов, которое автор рассматривает как самостоятельную задачу следствия и суда, без чего невозможно доказывание главного факта. При таких условиях нет основания игнорировать вопрос об отношении отдельных доказательств к доказательственным фактам, а, следовательно, если они устанавливают доказательственный факт, то они могут быть в отношении его как прямыми, так и косвенными. Такая постановка вопроса создает более стройную систему доказывания и предупреждает возможные ошибки в следственной и судебной практике.

В следующем разделе главы, подробно проанализировав соотношение следов и вещественных доказательств, автор приходит к заключению, что вещественные доказательства могут быть как первоначальными, так и производными доказательствами. К последним относятся всякого рода слепки, изготовленные со следов. В разделе обосновывается различие между слепками, являющимися производными веще-

ственными доказательствами, и фотоснимками, изготовленными со следа, каковые должны рассматриваться как фотоописание следа, являющееся составной частью протокола осмотра. Рассматривается также различие между фотоснимками, являющимися составной частью протокола осмотра, и фотоснимками, имеющими значение первоначальных вещественных доказательств, а также показывается доказательственное значение как тех, так и других.

В последнем разделе второй главы исследуется вопрос о разграничении категорий «вещественные доказательства» и «письменные документы». Этот вопрос имеет очень большое значение для следственной и судебной практики. В данном разделе рассмотрены высказывания по этому вопросу академика А. Я. Вышинского, проф. С. В. Познышева, проф. В. Случевского, проф. Н. И. Люблинского, проф. Н. С. Строговича, проф. М. А. Чельцова и др. В результате автор приходит к выводу, что наиболее правильное решение данного вопроса содержится в высказываниях проф. М. С. Строговича, который в качестве основного критерия для отнесения письменного документа к вещественным или письменным доказательствам принимает незаменимость или заменимость документа. Если в сферу следственного или судебного производства поступает документ, являющийся справкой, копией или выпиской из какого-либо документа, хранящегося в учреждении, то можно считать его письменным доказательством, так как таких справок, копий и выписок учреждение всегда может выдать в неограниченном количестве, и все они для следствия и суда будут иметь одинаковое доказательственное значение. Такие документы являются заменимыми. В тех случаях, когда письменный документ, имеющий доказательственное значение благодаря своим внешним признакам, месту и обстоятельствам его обнаружения, почерку, которым он исполнен, а также реквизитам, не может быть заменен другим документом, хотя бы и имеющим такое же содержание, то он должен рассматриваться не как письменное, а как вещественное доказательство.

Третья глава посвящена видам вещественных доказательств, т. е. их классификации. Уголовно-процессуальное законодательство Советского Союза не предусматривает классификации вещественных доказательств. В УПК РСФСР и УПК других союзных республик даются лишь краткие перечни предметов, которые при определенных условиях могут стать вещественными доказательствами. К этим веществен-

ным доказательствам УПК относит предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления, или которые были объектами преступления, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных. Такой перечень предметов не является классификацией вещественных доказательств, так как он не дает представления о видах вещественных доказательств, а, следовательно, и об их значении для предварительного следствия и суда.

Отсутствие классификации, позволяющей определить, на какие вопросы может дать ответ тот или иной вид вещественных доказательств, от чего в свою очередь зависит и характер работы с ними в стадии предварительного расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде, дало основания автору предложить ниже изложенную классификацию, не утверждая в то же время, что она является единственно возможной.

Все вещественные доказательства согласно предлагаемой классификации, разделяются на пять видов. Внутри первых трех видов имеются группы, облегчающие определение места того или иного предмета в системе вещественных доказательств.

К первому виду вещественных доказательств относятся предметы — вещественные доказательства, имеющие значение для дела в связи с их индивидуальными признаками. Внутри этого вида имеются три группы, а именно: а) предметы — вещественные доказательства, идентифицирующие другие предметы; б) предметы — вещественные доказательства, идентифицирующие лиц (непосредственно) и в) идентифицируемые вещественные доказательства.

Ко второму виду вещественных доказательств отнесены предметы—вещественные доказательства, имеющие значение для дела в связи с их родовой принадлежностью. Внутри этого вида имеются две группы, а именно: а) вещественные доказательства, позволяющие определить принадлежность предметов, обладающих родовыми признаками, и б) вещественные доказательства, определяющие круг лиц, имеющих отношение к событию преступления.

К третьему виду вещественных доказательств относятся вещественные доказательства, имеющие значение для дела благодаря их свойству, качеству или содержанию. Внутри

этого вида имеются также две группы, а именно: а) вещественные доказательства, имеющие значение благодаря их свойству или качеству, и б) вещественные доказательства, имеющие значение в связи с их содержанием.

К четвертому виду вещественных доказательств отнесены вещественные доказательства, имеющие значение для дела в связи с преступным их назначением или происхождением, а также местонахождением.

К пятому виду вещественных доказательств относятся вещественные доказательства, имеющие значение для дела в связи с их судебно-медицинским характером.

Автор оговаривается, что вещественные доказательства, отнесенные к пятому виду, в значительной своей части могли бы быть распределены между остальными видами вещественных доказательств. Однако работа с этими вещественными доказательствами несколько отличается от работы с другими вещественными доказательствами. Это отличие состоит главным образом в том, что изъятие таких вещественных доказательств производится чаще всего не следователем, а самим экспертом, тогда как остальные вещественные доказательства, если они не доставлены кем-либо в камеру следователя или в суд, изымаются только следователем или работником органа дознания. Объединение таких вещественных доказательств в отдельный вид оправдывается, по мнению автора, некоторыми удобствами обращения с ними.

Четвертая глава является последней и посвящена рассмотрению вопроса о вещественных доказательствах на предварительном следствии и в суде. В этой главе рассмотрены вопросы, связанные с оформлением изъятия и приобщения к делу вещественных доказательств, с отбором проб и образцов, с упаковкой и хранением вещественных доказательств. Эти вопросы, имеющие на первый взгляд лишь чисто практическое значение, как показывает их анализ, имеют и большое теоретическое значение. На примерах из следственной и судебной практики в работе показана недопустимость какого бы то ни было процессуального упрощенчества при разрешении указанных вопросов на практике.

Большое внимание уделяется в работе предварительному исследованию вещественных доказательств, которое может производиться самим следователем. Рассматривая указанный вопрос, автор указывает на его большое оперативное значение, способствующее ускорению и улучшению ка-

чества предварительного расследования. В то же время в работе проводится резкая грань между предварительным исследованием вещественных доказательств и экспертизой. В связи с рассмотрением вопроса о предварительном исследовании вещественных доказательств в работе приводятся случаи, когда экспертиза вообще бывает не нужна, а исследование, произведенное следователем, имеет очень большое значение для дела.

Значительное место в главе уделено вопросам экспертизы вещественных доказательств, постановки вопросов эксперту, а также оценки его заключения. Одним из основных вопросов этой группы является вопрос о выборе эксперта. Все более и более разнообразными становятся вопросы, связанные с исследованием предметов, являющихся вещественными доказательствами, так как с развитием науки возникает возможность получения научно-обоснованных ответов на такие вопросы, которые еще в недавнем прошлом не могли получить научного разрешения. Кроме того, сами вещественные доказательства значительно изменили свой характер. В настоящее время среди предметов, являющихся вещественными доказательствами, встречается все больше и больше таких предметов, которые еще недавно не попадали в сферу следственного и судебного производства. К этим предметам относятся, в частности, различные сложные измерительные приборы, применяемые в различных отраслях народного хозяйства, а также различная продукция нашей промышленности, если возникает дело о выпуске недоброкачественной продукции. Появление возможности использования гамма-лучей, меченых атомов, электронного микроскопа и т. п. еще расширяет возможности исследования различных вещественных доказательств в целях получения научно-обоснованных ответов на вопросы, поставленные следствием и судом.

Разнообразие вопросов, возникающих у следователя и суда, требует все более и более дифференцированного подхода к их разрешению. Это требует участия в экспертных исследованиях высококвалифицированных специалистов в сравнительно узкой области знаний, и специалисты «широкого» профиля в ряде случаев уже не удовлетворяют условиям, предъявляемым к экспертам.

Выбор эксперта (в данном случае не имеются в виду требования УПК) или вернее вида экспертизы в основном

зависит от того, к какому виду вещественных доказательств относится подлежащий экспертизе объект, а, следовательно, и от того, — на какого рода вопросы необходимо получить ответ эксперта.

В результате обобщения следственной практики в области назначения экспертизы вещественных доказательств в работе делается вывод, что вещественные доказательства, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, наиболее часто подвергаются криминалистической, технической, товароведческой и судебно-медицинской (включая ветеринарную) экспертизам. Далее в работе рассматриваются вопросы, которые могут быть разрешены соответствующего вида экспертизой, а, следовательно, указывается, когда надо назначать экспертизу того или иного вида. Выбор вида экспертизы неразрывно связан с тем, к какому виду отнесено вещественное доказательство, по поводу которого назначается экспертиза.

Рассматривая вопросы оценки заключений экспертов, автор останавливается, в частности, на тех экспертизах, которые не могут быть произведены исключительно на основе данных науки, а требуют большого личного опыта эксперта. Это, главным образом, относится к товароведческим экспертизам, когда надо определить качество некоторых видов пищевой продукции. В таких случаях применяется органолептический анализ, т. е. исследование свойства продукции при помощи органов чувств. То же относится и к экспертизам вещественных доказательств, представляющих собой различные художественные произведения. Эта категория вещественных доказательств встречается как при расследовании некоторых преступлений, связанных с завышенной оплатой той или иной продукции, так и при разрешении гражданских споров об оплате продукции, которая признается заказчиком не отвечающей по своим качествам условиям договора.

Однако, допуская оценку заключения эксперта в таких исключительных случаях с учетом лишь его личных качеств, нельзя допускать расширения этой практики, т. е. распространения ее на случаи, когда применение объективных научных методов исследования вполне возможно.

Оценка заключения эксперта, производившего экспертизу вещественного доказательства, не может рассматриваться как какое-то единовременное действие следователя. Это в ряде случаев является длительным процессом, происходя-

щим на более или менее длительном этапе предварительного следствия. Оценка заключения эксперта не может происходить в отрыве от оценки всей совокупности доказательств, имеющих в распоряжении следователя и могущих поступить к нему впоследствии. В работе показаны примеры из следственной практики, когда вполне определенное и категорическое заключение эксперта, производившего экспертизу вещественного доказательства, оказалось диаметрально противоположным ряду других доказательств по этому делу. В некоторых случаях для устранения противоречий требуется назначение повторной или дополнительной экспертизы, а в других случаях необходимо вновь проверить достоверность других, имеющих в деле доказательств, которые противоречат заключению экспертизы.

В работе показаны также некоторые особенности оценки заключения экспертов судом, поскольку суд в процессе судебного заседания не только проверяет доказательства, собранные при предварительном расследовании, а сам активно выявляет и оценивает доказательства.

Значительное место в данной главе уделено предъявлению вещественных доказательств для опознания в процессе предварительного следствия. Предъявление для опознания рассматривается как самостоятельное следственное действие, а не как разновидность допроса. В отношении вещественных доказательств, отнесенных к первому виду, автор рассматривает предъявление для опознания, как один из методов установления тождества, и не соглашается с точкой зрения некоторых процессуалистов и криминалистов, которые считают опознание, как чисто субъективный, а не научный метод, непригодный для установления тождества. На отдельных примерах в работе показано, что в некоторых случаях путем предъявления для опознания можно вполне достоверно установить тождество предмета, и в то же время применение научных методов оказывается невозможным.

Наряду с предъявлением для опознания предметов, обладающих индивидуальными признаками, в работе рассматривается вопрос о предъявлении для опознания предметов, обладающих лишь родовыми признаками, а также показано значение такого опознания для следственной и судебной практики.

Не меньшее значение для практики имеет использование вещественных доказательств при допросах, а также при вос-

произведении обстановки и обстоятельств события. Предъявление обвиняемым при их допросе некоторых вещественных доказательств в ряде случаев убеждает допрашиваемых в том, что в распоряжении допрашивающего имеются веские улики, а потому нет смысла давать неправдивые показания. При допросе свидетелей также предъявление им вещественных доказательств иногда приносит большую пользу. Предъявленные предметы могут помочь допрашиваемому вспомнить некоторые обстоятельства дела или установить владельца данного предмета. Придавая большое значение использованию вещественных доказательств при допросах, автор в то же время проводит резкую грань между этими действиями допрашивающего и предъявлением вещественных доказательств для опознания.

Отмечая в работе роль вещественных доказательств при воспроизведении обстановки и обстоятельств события, в частности, при производстве следственного эксперимента, автор наряду с этим указывает на основные условия этого использования и прежде всего на необходимость наличия полной гарантии того, что используемый предмет не утратит при этом, ни своих индивидуальных признаков, ни своих физических и химических свойств. Если полное сохранение индивидуальных признаков или свойств предмета не гарантируется, то он не может быть использован для воспроизведения обстановки и обстоятельств события, так как это повлекло бы за собой утрату предметом своего доказательственного значения.

Заключительный раздел главы посвящается судьбе вещественных доказательств. В этом разделе рассматриваются различные случаи, когда вещественные доказательства сдаются на хранение соответствующим организациям и лицам; сдаются для реализации в связи с невозможностью их сохранения, а также, когда они могут быть возвращены их владельцам после окончания предварительного следствия (в случаях прекращения дела) или вступления приговора в законную силу. Рассмотрены так же вопросы, связанные с судьбой вещественных доказательств после вступления приговора в законную силу в тех случаях, когда владелец их известен и когда он неизвестен. Обращается также внимание на необходимость строгого учета вещественных доказательств и контроля за их продвижением, как в следственных, так и в судебных органах, особенно при передаче их от одного органа к другому, в случае передачи дела от органов дознания

к следователю, от следователя в суд и обратно, когда дело направляется судом к доследованию.

Таким образом в данной заключительной главе рассматривается вся работа с вещественными доказательствами, начиная с момента их вступления в сферу следственного и судебного производства и до вступления приговора в законную силу или прекращения уголовного дела до направления его в суд.

II.

Ограничившись приведенным выше кратким изложением содержания работы, необходимо остановиться на некоторых вопросах, которые автор считает заслуживающими наибольшего внимания. К этим вопросам относятся: вопрос о разграничении понятий «следы» и «вещественные доказательства»; вопрос о первоначальных и производных вещественных доказательствах; об отношении вещественных доказательств к главному доказуемому факту и к доказательственным фактам (прямые и косвенные доказательства); виды (классификация) вещественных доказательств и вопрос о видах экспертиз и методах исследования вещественных доказательств.

Теоретически правильное решение указанных вопросов (так же, как и остальных вопросов, рассмотренных в работе) имеет, по мнению автора, большое практическое значение для следственных и судебных органов, так как это поможет правильному разрешению вопросов, возникающих в процессе их практической деятельности, и будет способствовать предупреждению возможных ошибок.

«Следы» и «вещественные доказательства». В советской криминалистической литературе точное разграничение понятий «следы» и «вещественные доказательства» отсутствует. Разные авторы по различному подходят к разрешению этого вопроса, что создает много неясностей в практической деятельности следственных и судебных органов.

Проф. М. С. Строгович в учебнике «Уголовный процесс», рассматривая виды доказательств, вообще не касается роли следов, как доказательств. Проф. М. А. Чельцов в учебнике «Советский уголовный процесс», уделяя некоторое внимание следам, не указывает различия между следами и вещественными доказательствами, считая, что «следы» и «вещественные доказательства» это одно и то же.

Кандидат юридических наук Б. М. Комаринец, в главе учебника «Криминалистика», посвященной судебной баллистике, анализируя вопросы обнаружения, фиксации и осмотра вещественных доказательств на месте происшествия, уделяет большое внимание следам, но не рассматривает их как разновидность вещественных доказательств. Кандидат юридических наук Б. И. Шевченко, давая общее понятие о следе, его образовании и видах, пишет, что под следом подразумевается видоизменение, возникшее на предмете и отображающее внешнее строение предмета, вызвавшего это видоизменение. Из этого определения следует, что автор не считает понятия «следы» и «вещественные доказательства» равнозначными. Такого же мнения придерживался проф И. Н. Якимов, который в разделе учебника, посвященном осмотру вещественных доказательств, указывал лишь на возможность сопоставления вещественных доказательств с оставленными ими следами. Проф. А. И. Винберг в учебнике «Криминалистика» для юридических школ рассматривает следы, как наиболее распространенный вид вещественных доказательств. Однако из высказанных автором положений можно сделать вывод, что по существу идет речь о предметах со следами, которые и являются вещественными доказательствами. Сами вещественные доказательства, как например, опилки на одежде, волосы, пыль и т. д., также именуется следами.

Советское процессуальное законодательство предусматривает вещественные доказательства. Однако понятие «следы» встречается лишь как признак предмета, являющегося вещественным доказательством. Следы, как самостоятельный вид доказательств, как в УПК РСФСР, так и в УПК других союзных республик не предусмотрен.

Автор настоящей работы считает, что понятие «следы» значительно шире понятия «вещественные доказательства». Со следами в широком смысле слова мы встречаемся повседневно, так как каждое явление или событие, а также каждое действие человека оставляют какой-либо след. Некоторые следы быстро уничтожаются, другие сохраняются более или менее длительное время. Совершенно естественно, что след на поверхности воды от брошенного камня, след, оставленный прошедшим судном в виде воли, след прошедшего паровоза, представляющий из себя расстилающееся облако пара и дыма, так же, как и светящийся след пронесшегося в верхних слоях атмосферы болида не могут быть приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Из этого ста-

новится очевидным, что в окружающей нас действительности существуют многочисленные и разнообразные следы, которые ничего общего с понятием «вещественные доказательства» не имеют.

Рассматривая понятие «следы» в широком смысле слова, можно выделить такую группу следов, которая включает в себя некоторые предметы, имеющие значение вещественных доказательств. К этой группе следов относятся, прежде всего, так называемые следы пребывания человека в каком-либо месте. В нашей следственной и судебной практике встречаются следы пребывания преступника на месте преступления. К ним относятся: разбитые стекла, взломанные двери, подкопы, собственно следы, т. е. следы ног, рук как на самой местности, так и на предметах, находившихся на месте пребывания преступника, а также различные оставленные им предметы (окурки, спички, орудия взлома, забытый портсигар и т. п.).

В приведенной группе следов можно уже выделить вещественные доказательства, как самостоятельный вид доказательств. К ним относятся предметы со следами, — отображенными, т. е. с изменениями, происшедшими от воздействия на них других предметов, как, например, взломанный замок, графин или кусок стекла с отпечатками пальцев, полотенце, смоченное кровью, и т. д., а также предметы, которые одним своим характером и местонахождением на месте происшествия могут подтвердить или опровергнуть факт пребывания на данном месте какого-либо лица. Что касается таких следов, как, например, следы протектора автомобильного колеса на грунте, царапины на стене дома или на дереве, образованные кузовом автомашины, и т. п., то они безусловно имеют большое доказательственное значение, но к категории вещественных доказательств они не могут быть отнесены. Ясно, что дорога, протяженностью в несколько километров, на которой имеется след проехавшей автомашины, не может рассматриваться как вещественное доказательство. Нельзя считать вещественным доказательством подкоп под здание, сделанный преступником, чтобы проникнуть в помещение, и т. д.

Из сказанного можно сделать вывод, что понятия «следы» и «вещественные доказательства» не равнозначны. Следы, в широком смысле слова, включают в себя и вещественные доказательства. Вещественными доказательствами

могут быть только предметы, т. е. вещи, в том числе и такие, которые носят на себе следы воздействия других предметов. Однако некоторые следы, сами по себе не являющиеся вещественными доказательствами, в ряде случаев дают возможность отождествить оставивший их предмет. Например, по рисунку протектора покрышки, отобразившемуся в следе, и по отдельным индивидуальным признакам можно обнаружить автомашину, оставившую след. Сама покрышка этой автомашины в надлежащих случаях будет являться вещественным доказательством.

Как «следы», так и «вещественные доказательства» имеют большое значение для установления объективной истины. Однако, если вещественное доказательство является самостоятельным источником доказательств, то следы, не являющиеся вещественными доказательствами, не могут рассматриваться как самостоятельный источник доказательств. Источником доказательств в таких случаях является протокол осмотра места происшествия, в котором зафиксированы все данные об этом следе, т. е. его месторасположение, вид, размеры и т. п. Сделанные в процессе осмотра места происшествия фотоснимки являются составной частью протокола осмотра. Благодаря тому, что такие фотоснимки оформляются так же, как и сам протокол осмотра, они приобретают такое же доказательственное значение, как и протокол. Значит, если для суда, когда он оценивает вещественное доказательство, имеет значение сам предмет, изъятие которого было надлежащим порядком оформлено, то при оценке следов, не являющихся вещественными доказательствами, значение имеет процессуально оформленный протокол осмотра места происшествия. Игнорирование этого различия может привести к серьезным разрывам в цепи доказательств и к невозможности правильно оценить всю их совокупность.

Первоначальные и производные вещественные доказательства. Этот вопрос очень слабо освещен в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе. В значительной степени это можно объяснить тем, что вещественные доказательства, как уже отмечалось выше, не отделены от следов, а потому их положение, как источника доказательств, не было уточнено.

Автор настоящей работы полагает, что вещественные доказательства, как и другие виды доказательств, могут быть, и первоначальными, и производными. Большинство веществ-

Уд. 344

венных доказательств являются первоисточниками, т. е. доказательствами, которые не отсылают следователя и суд к каким-либо другим источникам. Все предметы, которые служили орудиями преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступления, можно безоговорочно отнести к первоначальным вещественным доказательствам, так как они имеют непосредственное отношение к тому событию, которое они доказывают. Например, пистолет, из которого был произведен выстрел; топор, которым была перерублена деревянная пластина при совершении преступления; тряпка, смоченная кровью, или забытый преступником на месте преступления перочинный нож — все это будут вещественные доказательства, относящиеся к первоначальным доказательствам.

Однако в следственной и судебной практике приходится встречаться с различными предметами, которые сами не имели непосредственного отношения к событию преступления. К ним относятся разного рода слепки, фотоснимки и другие копии, изготовленные в процессе расследования преступлений.

Из сказанного выше вытекает, что след на почве не может рассматриваться как вещественное доказательство, так как в противном случае пришлось бы приобщать к делу всю дорогу, на которой он оставлен. Конечно, при определенных условиях, след может быть изъят вместе с частью грунта, на котором он оставлен. В таком случае эта часть грунта будет являться предметом со следом и может считаться вещественным доказательством. То же самое может иметь место при взломе деревянной двери, сундука и т. п. След орудия взлома, имеющийся на двери, мог бы быть изъят вместе с самой дверью. В этом случае дверь явилась бы вещественным доказательством. Однако далеко не всегда дверь может быть изъята. Иногда выпиливается часть объекта, на которой имеется след. Тогда эта выпиленная часть будет являться вещественным доказательством. В приведенных случаях изъятые предметы будут являться вещественными доказательствами, относящимися к категории первоначальных. Однако во многих случаях мы не имеем возможности прибегать к такому способу изъятия части объекта, содержащего след. Тогда со следа изготавливается слепок из гипса, парафина, пластилина и т. п. В таком случае необходимо решить, что представляет собой этот слепок.

Имеется точка зрения, что такой слепок является предметной копией следа, с которого он изготовлен, и что такой слепок по существу ничем не отличается от фотоснимка, сделанного с того же следа.

Автор считает, что такая точка зрения не совсем правильна. Надо учитывать, что фотоснимок более или менее точно изображает сам след. Это своего рода фотографическое описание следа, являющееся дополнением и составной частью протокола осмотра места происшествия, в котором обнаруженный и сфотографированный след должен быть подробно описан. Значит, фотоснимок следа, не являющегося вещественным доказательством, может рассматриваться лишь как составная часть протокола осмотра места происшествия. Что же касается слепка, то он представляет собой не копию следа, негативно отображающего оставивший его предмет, а более или менее точное отображение самого предмета или его частей, которыми был оставлен этот след. Значит, он является отображением части самого пока еще не обнаруженного вещественного доказательства, воспроизводящим все признаки этой части предмета. В связи с этим есть основания согласиться с теми, кто относит такой слепок к производным вещественным доказательствам.

Отнеся слепки к производным вещественным доказательствам, следует в то же время ответить на вопрос о том, почему фотоснимки со следа относятся к фотодокументам. В данном случае необходимо учесть, что с обнаруженного на месте происшествия следа можно изготовить неограниченное количество одинаковых фотоснимков. Каждый из этих фотоснимков, при условии соответствующего процессуального оформления, будет иметь одинаковое доказательственное значение. Утрата одного или нескольких отпечатков, изготовленных с одного негатива, не подрывает доказательственного значения остальных отпечатков. Совершенно иное положение имеет место при изготовлении слепка. За исключением случаев изготовления слепков с весьма устойчивых объектов, как, например, с поврежденной части стальной двери сейфа или части окрашенной масляной краской двери, сохранившей на себе вдавленные следы орудия злома, изготовление слепка, как правило, влечет за собой разрушение следа, с которого слепок изготовлен. Можно, конечно, изготовить затем копии слепка, но эти копии не всегда будут отображать все детали, оставившей след поверхности предмета,

которые хорошо различны на слепке, изготовленном с самого следа. Значит, в отличие от фотоснимков, слепок с каждого объемного следа в большинстве случаев можно сделать только один, а потому, он является незаменимым доказательством по делу.

Такое же положение имеет место с пленкой, на которую перенесены опыленные или окуренные парами иода следы пальцев. Пленка с переведенными на нее пальцевыми отпечатками, не может рассматриваться как часть протокола осмотра, так как в данном случае имеет место не описание следа, а сам след, перенесенный на другую поверхность. Пленка со следом, так же, как и слепок со следа, является незаменимым доказательством по делу.

Незаменимость слепка и пленки, как доказательства, требует, чтобы с ними обращались так, как и с любым вещественным доказательством, а именно, помимо точной фиксации в протоколе осмотра места происшествия, времени, места и обстоятельств изготовления слепка или переноса следа на пленку, слепок или пленка должны быть подробно описаны, опечатаны, сфотографированы и приобщены к делу в качестве вещественного доказательства особым постановлением следователя или органа дознания.

Подробное описание предметов, являющихся производными вещественными доказательствами, в специальном протоколе осмотра, которое должно производиться в присутствии тех же понятых, которые присутствовали при их изготовлении, гарантирует, что они не будут смешаны с другими сходными предметами, например, со слепками, являющимися доказательствами по другим уголовным делам. Кроме того, не исключается возможность порчи слепка во время его хранения или пересылки для производства криминалистической экспертизы. В таком случае хорошо составленный и правильно процессуально оформленный протокол осмотра вместе с фотоснимком, как составной частью последнего, может также иметь значение убедительного доказательства по делу.

Недооценка значения предметов, являющихся производными вещественными доказательствами, и отнесение их к предметным копиям в ряде случаев влекут за собой утерю этими предметами своего доказательственного значения, что может отразиться на оценке всей совокупности доказательств по делу.

Прямые и косвенные вещественные доказательства. Академик А. Я. Вышинский относит все вещественные доказательства к уликам или косвенным доказательствам. Он считает, что это вполне соответствует природе и характеру этого вида доказательств. Проф. М. А. Чельцов также относит вещественные доказательства к косвенным доказательствам или уликам. Проф. М. С. Строгович, развивая определенные понятия вещественного доказательства, указывает, что вещественные доказательства это предметы, служащие уликами, т. е. обстоятельствами, устанавливающими факт преступления и лицо, его совершившее, либо наоборот, предметы, опровергающие факт преступления, оправдывающие обвиняемого. Таким образом, назвав вещественные доказательства уликами, проф. М. С. Строгович вкладывает в этот термин более широкое содержание. Отсюда следует, что автор допускает возможность для вещественных доказательств выступать в процессе как в роли косвенных, так и прямых доказательств, хотя подробно на этом он не останавливается.

По мнению автора настоящей работы, нет оснований относить вещественные доказательства только к категории прямых или косвенных доказательств. Несмотря на то, что в большинстве случаев вещественные доказательства доказывают не непосредственно главный факт, т. е. совершение преступления определенным лицом, а подтверждают или опровергают доказательственные факты, бывают случаи, когда они устанавливают и непосредственно элементы главного факта. К таким доказательствам относятся, например, обнаруженное при обыске оружие, запертое в столе его владельца, по делу о незаконном хранении оружия, письмо определенного содержания и т. п. Эти положения проиллюстрированы в работе развернутыми примерами.

Рассматривая вопрос о доказывании главного факта, необходимо в то же время остановиться на том, что такое главный факт. Наиболее точно определяет понятие «главный факт» проф. М. С. Строгович, который пишет: «При помощи доказательственных фактов устанавливается, доказывается или опровергается тот факт, который составляет предмет данного дела, — событие преступления, его совершитель и вина последнего; этот факт, который составляет существо самого дела, называется главным фактом.

Главный факт — это факт, исследуемый по делу и образующий состав преступления во всех его элементах (объ-

ект преступления, его объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления»).

Исходя из этого определения главного факта, возникает вопрос о том, доказывают ли прямые доказательства, в том числе и вещественные, обязательно все элементы состава преступления или только некоторые из них.

На ряде примеров в работе показано, что вещественные доказательства, если и не могут доказать все элементы состава преступления, то они могут доказать отдельные его элементы. А если это так, то вещественные доказательства, показывающие отдельные элементы главного факта, т. е. состава преступления, ничем не отличаются от других доказательств, которые также доказывают не весь состав преступления, а лишь отдельные его элементы, причем правильность отнесения их к прямым доказательствам никогда не вызывает сомнения.

Рассмотрев вопрос об отношении вещественных доказательств непосредственно к главному факту, т. е. к совершению преступления определенным лицом, необходимо рассмотреть так же роль вещественных доказательств в доказывании доказательственных фактов. Доказательственные факты — это те же факты, о которых пишет в своей работе «Теория судебных доказательств в советском праве» академик А. Я. Вышинский, как об обычных фактах, обычных совершающихся в жизни явлениях, тех же вещах и людях. Эти обычные факты становятся доказательственными фактами лишь потому, что они, вступив в орбиту судебного процесса, непосредственно или в совокупности с другими фактами, устанавливают или опровергают главный факт. Значит, для того, чтобы доказать главный факт, т. е. установить событие преступления и совершение его определенным лицом, надо с полной достоверностью установить те доказательственные факты, из которых выводится этот главный факт.

Доказательственные факты — это в большинстве случаев косвенные доказательства, лишь в своей совокупности позволяющие сделать вывод о доказываемом главном факте; выпадение хотя бы одного такого факта из общей цепи доказательств разрушает всю систему доказывания. Из этого можно сделать вывод, что доказывание доказательственных фактов имеет самостоятельное назначение, и при доказывании доказательственных фактов встречаются как прямые, так и

косвенные доказательства, причём как в числе первых, так и в числе вторых могут быть и вещественные доказательства.

На ряде примеров в работе показано, что, несмотря на то, что сам доказательственный факт в отношении главного факта является косвенным доказательством, отдельные доказательства, устанавливающие или опровергающие доказательственный факт, в отношении последнего могут быть как прямыми, так и косвенными. Это полностью относится и к вещественным доказательствам, что можно проследить на примерах, приведенных в работе.

Виды вещественных доказательств. Этому вопросу в работе посвящена вся III глава, являющаяся одной из основных. Отсутствие классификации вещественных доказательств, как в уголовно-процессуальной, так и криминалистической литературе, в значительной степени мешает развитию отдельных видов доказательств и, во-вторых, приводит к неправильному их использованию на предварительном следствии и в суде.

Несмотря на то, что каждый вид вещественных доказательств неотделим непроницаемой стеной от остальных видов и в ряде случаев один и тот же предмет может быть отнесен одновременно к разным видам, необходимо ясно представить себе то, на какие вопросы может дать ответ то или иное вещественное доказательство. То, что до настоящего времени в работах ученых процессуалистов и криминалистов этому вопросу не уделялось должного внимания, создавало и создает много затруднений в следственной и судебной практике, приводящих в ряде случаев к существенным ошибкам.

Одним из существенных затруднений, встречающихся в следственной и судебной практике, является то, что нет разграничения между разными видами вещественных доказательств, а потому те, кто в процессе следственной или судебной практики встречаются с ними, пытаются в ряде случаев получить ответ на такие вопросы, на которые ответить при помощи данного вида вещественных доказательств вообще невозможно. Так, например, в ряде случаев на разрешение экспертизы ставятся вопросы: «тождественно ли зерно, изъятое при обыске у А., зерну, имеющемуся в кладовой колхоза?», «тождественны ли волосы, обнаруженные на одежде подозреваемого в убийстве, волосам с головы потерпевшего?» и т. п.

Понятно, что в приведенных и других сходных с ними случаях ставить вопрос о тождестве нельзя. Наука до настоящего времени еще не установила способа отождествления зерна, волос и других предметов, не обладающих индивидуальными признаками или хотя и обладающих ими, но когда эти признаки фактически никому неизвестны. Теоретически можно считать, что каждый предмет индивидуален, а потому его можно отождествить по индивидуальным признакам. Однако, для нас имеет значение не абстрактная, а реальная возможность. Каждое пальто, каждый костюм, изготовленные швейной фабрикой, имеют индивидуальные признаки, но вряд ли кто-либо знает эти признаки. В этом случае могут быть известны только родовые, а не индивидуальные признаки, т. е. материал, из которого предмет изготовлен, цвет, размер, фасон и т. п. Попытки в таких случаях устанавливать тождество вместо установления родовой принадлежности, как правило, не выясняют тех обстоятельств, которые имеют значение для следствия и суда, а лишь запытавают вопрос.

На основе анализа обширного материала, взятого из следственной и судебной практики, автор проводит определенную грань между вещественными доказательствами, имеющими значение для дела в связи с их индивидуальными признаками, и вещественными доказательствами, имеющими значение для дела в связи с их родовой принадлежностью. Естественно, что каждый предмет, обладающий индивидуальными признаками, обладает в то же время и родовыми признаками. Однако при отнесении вещественного доказательства к первому или второму виду следует иметь в виду те его признаки, которые имеют большое значение для дела. Например, пистолет «ТТ», «Браунинг» отличаются своими родовыми признаками. Однако для следствия, обычно, имеют значение индивидуальные особенности пистолета, имеющего отношение к расследуемому событию, а его родовые признаки имеют, как бы промежуточное значение при установлении тождества.

В следственной и судебной практике встречаются случаи, когда экспертиза оказывается не в состоянии дать категорический ответ о наличии или отсутствии тождества. В таких случаях вещественные доказательства, относенные к первому виду, приобретают лишь такое доказательственное значение, которое присуще вещественным доказательствам,

отнесенным ко второму виду. Это значит, что вещественные доказательства, отнесенные к первому виду, могут повлечь за собой заключение о том, — есть тождество или нет тождества, т. е. «да» или «нет», а вещественные доказательства, отнесенные ко второму виду, могут дать лишь ответ на вопрос «не исключается» или «исключается». Следовательно, при помощи вещественных доказательств, отнесенных ко второму виду, можно получить категорический ответ только при отрицательном выводе.

Различное значение, которое имеют вещественные доказательства, отнесенные к первому или второму видам, требует и различного обращения с ними. Только при соблюдении определенных процессуальных требований и правил, разработанных советской криминалистикой, может быть гарантировано сохранение вещественными доказательствами этих видов их доказательственного значения. Именно поэтому автор настоящей работы уделил рассмотрению доказательств, связанных с этим вопросом особое внимание.

Значительно отличаются от первых двух видов вещественные доказательства, отнесенные к третьему виду, несмотря на то, что вещественными доказательствами этого вида могут явиться те же предметы, которые встречаются среди вещественных доказательств, имеющих значение для дела благодаря их индивидуальным или групповым признакам. Отличает этот вид вещественных доказательств от ранее рассмотренных то, что они не нуждаются, ни в идентификации, ни в определении родовой принадлежности. Значение для дела вещественные доказательства этого вида имеют благодаря свойству или содержанию самого предмета. Если зерно, являющееся вещественным доказательством второго вида, имеет значение для дела благодаря его сходству и различию с другим зерном (например, по делу о краже зерна), то зерно, являющееся вещественным доказательством третьего вида, имеет значение для следствия и суда благодаря его свойствам. В ряде случаев значение имеет влажность зерна, его засоренность, содержание крахмала, всхожесть, поражение хлебными вредителями, загнивание и т. д.

Если зерно, отнесенное к вещественным доказательствам второго вида, может быть объектом исследования для получения ответа на вопрос, исключается или не исключается, что данное зерно относится к определенной партии, то зерно, отнесенное к вещественным доказательствам третьего вида,

может быть объектом исследования для получения ответов на совершенно другие вопросы. В зависимости от обстоятельств дела возможно получить ответы на вопросы о том, сколько из данного зерна можно получить муки определенного сорта, сколько может быть выгнано из него спирта, изготовлено пива и т. д. Можно решить вопрос о том, насколько зерно испорчено в результате подмочки, неправильного хранения и т. д.

С этим видом вещественных доказательств следовательно и судебная практика часто встречается также тогда, когда в орбиту следственного и судебного производства вступает документ — вещественное доказательство, не содержащий следов подлога, исправленный и т. п., а имеющий значение для дела только благодаря его содержанию.

Особый характер вопросов, которые могут быть разрешены посредством вещественных доказательств этого вида, требует иного обращения с последними, так как приемы, пригодные для данного вида, непригодны для вещественных доказательств, отнесенных к другим видам. Игнорирование этих особенностей в ряде случаев влечет к обесцениванию предмета, как вещественного доказательства. Все вопросы, возникающие в связи с высказанными положениями, подробно освещены в настоящей работе. Довольно обширную группу составляют вещественные доказательства, отнесенные к четвертому виду. Однако этот вид вещественных доказательств не требует обычно сложной работы с ними следственных и судебных органов. Одной из особенностей вещественных доказательств четвертого вида, является то, что главное внимание должно обращать на правильность оформления их изъятия. В работе показано, какое значение имеет для дела место обнаружения предмета, являющегося вещественным доказательством данного вида, так как один и тот же предмет может, и доказывать виновность определенного лица, и оправдывать его в зависимости от лица, у которого он обнаружен, от способа его хранения, от способа укрывания при выносе и т. д.

На ряде примеров из следственной и судебной практики в работе показано значение всех этих обстоятельств и к каким ошибкам ведет недоучет их при оформлении изъятия протоколами осмотра, обыска и т. п.

Вещественные доказательства, отнесенные автором к пятому виду, т. е. имеющие значение для дела благодаря их

судебно-медицинскому характеру, являются наиболее старым видом вещественных доказательств. Судебно-медицинские исследования в России производились еще в XVI—XVII веках. Эти исследования, носившие эпизодический характер, стали регулярными со времени издания Военного Устава Петра Первого. Именно эти исследования оказали существенное влияние на развитие самого института вещественных доказательств. На протяжении XIX—XX веков появилось значительное количество работ, посвященных судебно-медицинским исследованиям вещественных доказательств. Среди этих работ видное место занимают труды русских ученых медиков: проф. И. В. Буяльского, проф. С. А. Громова, проф. А. П. Нелюбина, проф. Драгендорфа, Ю. К. Траппа, А. Н. Базилова, В. Хмелевского и ряда других. Изучением судебно-медицинских вещественных доказательств занимался также ряд советских ученых, среди которых следует отметить проф. Н. С. Бокариуса, проф. П. Н. Бокариуса, проф. М. И. Авдеева, проф. В. И. Прозоровского, проф. М. А. Бронникову, проф. В. М. Смольянинова, проф. В. Ф. Червакова, проф. М. Д. Швайкову, И. В. Попова, П. С. Семеновского и ряд других.

Судебно-медицинские вещественные доказательства по мере развития технических и естественных наук стали включать в себя и такие вещественные доказательства, которые не имели прямого отношения к судебной медицине. Объясняется это отсутствием в то время специальных учреждений, которые могли бы производить исследования объектов, вступивших в орбиту следственного и судебного производства. Лишь позднее, когда появились специальные криминалистические учреждения, а также стали возможными другие, не судебно-медицинские исследования предметов, являвшихся доказательствами по уголовным делам, многие вещественные доказательства выделались из указанного вида.

Поскольку и в настоящее время разные авторы по-разному определяют круг вещественных доказательств судебно-медицинского характера, а это ведет к ряду недоразумений в практической работе следственных и судебных органов при разрешении ряда вопросов, связанных с использованием вещественных доказательств в судебном процессе, автор пытается решить этот вопрос так, чтобы такое решение принесло максимальную пользу практике. Руководствуясь этими соображениями, автор сознательно, как уже от-

мечено выше, несколько отступает от принципов, положенных им в основу распределения по видам остальных вещественных доказательств. Отступление это состоит в том, что некоторые вещественные доказательства, которые могли бы быть отнесены к другим видам, относятся автором к вещественным доказательствам пятого вида.

Виды экспертиз и методы исследования. Изучение вопроса об экспертизе вещественных доказательств показало, что в практике допускается смешение понятий: «вид экспертизы» и «метод исследования». В связи с этим встречаются в следственной и судебной практике такие виды экспертизы вещественных доказательств, как «судебно-химическая экспертиза» или «судебно-биологическая экспертиза». Однако совершенно очевидно, что таких видов экспертизы не может быть, так как исследование крови и исследование зерна ничего общего между собой не имеют, так же как не имеет ничего общего исследование содержимого желудка по делу об отравлении с исследованием красителей по делу о выпуске недоброкачественной продукции. Несмотря на это, такие исследования называются судебно-биологической и судебно-химической экспертизами.

Как показывает практика, в редких случаях при производстве экспертизы вещественных доказательств можно ограничиться применением какого-либо одного метода исследования. Так, например, при криминалистическом исследовании документа, в зависимости от конкретных условий могут быть применены химические методы исследования бумаги, чернил, карандаша и т. п., исследование с применением микроскопа, исследования в ультра-фиолетовых и инфракрасных лучах, спектральный анализ, гамма лучи и т. п. Однако вряд ли эту криминалистическую экспертизу можно разложить на ряд самостоятельных экспертиз. То же происходит при исследовании содержимого желудка, крови и т. п. В процессе проведения судебно-медицинской экспертизы может возникнуть необходимость производства химического исследования, но наряду с этим могут применяться и исследования под микроскопом и ботанико-фармакогностическое исследование, а также ряд других. Однако нет никаких оснований считать, что все методы исследования, применяемые в процессе производства судебно-медицинской экспертизы, являются самостоятельными экспертизами.

Правильное разрешение этого вопроса имеет очень большое практическое значение. Если встать на ту точку зрения,

что применение каждого метода исследования является самостоятельным видом экспертизы, то при назначении таких экспертиз требовалось бы в каждом случае специальное постановление следователя или определение суда. Кроме установления процесса назначения и производства экспертизы это ничего дать не может. Применение же конкретного метода исследования (химического, физического, биологического и т. п.) в процессе проведения экспертизы зависит от самого эксперта. Последний может самостоятельно или через руководителя экспертного учреждения, на базе которого производится соответствующая экспертиза, поручить производство определенного исследования другому специалисту. Акт этого исследования может быть приложен к заключению эксперта. Причем он будет иметь значение не акта экспертизы, а письменного документа, который должен быть учтен экспертом.

В работе этому вопросу уделено значительное внимание, так как, по мнению автора, правильное разрешение его будет способствовать единообразному пониманию сущности экспертизы вещественных доказательств и устранит серьезные ошибки, которые еще встречаются в следственной и судебной практике.

III.

Подводя итоги анализу института вещественных доказательств, автор делает выводы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение.

Автор констатирует, что институт вещественных доказательств является исторической категорией и что он развивался в неразрывной связи с развитием судебного процесса при различных общественных формациях. В Советском Союзе институт вещественных доказательств неразрывно связан со всей системой доказательств, установленной советским доказательственным правом. Этот институт, как и все остальные правовые институты, развивается в СССР в рамках социалистической законности и преследует цели и задачи, стоящие перед советским правосудием, т. е. указанные в ст. 2 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик.

Вещественные доказательства в советском процессе занимают определенное место в ряду других доказательств, причем советское доказательственное право не относит их, ни к «лучшим», ни к «худшим» доказательствам.

В связи с наличием различных определений понятия «вещественные доказательства» автор полагает, что вещественными доказательствами следует считать все предметы и документы, вступающие в орбиту следственного и судебного производства, если они не могут быть заменены дубликатами или копиями. Значит, основным критерием, позволяющим отнести предмет или документ к вещественным доказательствам, является их незаменимость для данного процесса.

Вещественные доказательства, так же как и другие судебные доказательства, могут быть как прямыми, так и косвенными. Вещественные доказательства, косвенно доказывающие отдельные элементы состава преступления, совершенного определенным лицом, т. е. главного факта, могут быть в то же время прямыми доказательствами в отношении доказательственных фактов.

Вещественные доказательства, как источник сведений о фактах, подлежащих доказыванию, могут быть как первоначальными, так и производными.

В работе сделана попытка разграничить понятия «следы» и «вещественные доказательства», причем автор делает вывод, что понятие «вещественные доказательства» является частью понятия «следы» в широком смысле слова. В то же время следы в узком, криминалистическом смысле слова могут содержаться и на предметах, являющихся вещественными доказательствами именно в связи с наличием на них этих следов.

В связи с предложенной в работе классификацией вещественных доказательств разрешаются некоторые теоретические вопросы, не получившие до сего времени полного разрешения. В частности, делается ряд выводов, а именно:

1. Так называемая, групповая идентификация должна быть полностью исключена, как теоретически необоснованная.

2. Существующее в криминалистике деление следов на статические и динамические должно быть отвергнуто, как противоречащее самим понятием «статика» и «динамика», принятым физикой.

3. Предмет, вступающий в сферу следственного и судебного производства, становится вещественных доказательством с первого же момента его изъятия. Исключение составляют лишь материальные ценности, изымаемые в целях обеспечения возмещения материального ущерба и возможной

конфискации имущества, а также ордена и иные знаки отличия, изымаемые у арестованных, если они не имеют доказательственного значения для дела.

4. Образцы, изымаемые для сравнения, несмотря на то, что они иногда заменимы, являются также вещественными доказательствами.

Поскольку вещественное доказательство является юридической категорией, предмет, вступающий в орбиту следственного и судебного производства, становится вещественным доказательством лишь при условии соответствующего процессуального оформления. Никакого упрощенчества в этом вопросе допускать нельзя. Особое значение имеет осмотр вещественных доказательств при приобщении их к делу, а потому ему и уделяется в работе соответствующее внимание.

В связи с осмотром вещественных доказательств подлежит разрешению и вопрос о компетенции следователя, т. е. может ли следователь самостоятельно производить некоторые исследования вещественных доказательств или он во всех случаях должен прибегать к назначению экспертизы. На основе анализа следственной практики в работе сделан вывод, что следователь не только может, но в ряде случаев должен сам предварительно исследовать некоторые вещественные доказательства, но, что эти предварительные исследования не являются экспертизами. Такие исследования в большинстве случаев должны приводить к решению вопроса о том, требуется ли назначение экспертизы или вопрос настолько ясен, что экспертиза будет излишней.

Основными условиями проведения таких исследований являются:

1. Исследование должно проводиться в процессе осмотра предмета, являющегося вещественным доказательством, т. е. в присутствии понятых.

2. Предмет в результате исследования не должен утратить своих первоначальных физических или химических свойств, т. е. он должен оставаться пригодным для экспертного исследования, если оно будет признано необходимым.

Исследуя вопрос о назначении экспертизы вещественных доказательств, можно сделать вывод, что в следственной практике наблюдается назначение экспертиз для выполнения некоторых технических работ, а не для дачи заключений. Экспертизы назначаются для прочтения текста, напи-

санного симпатическими чернилами, для прочтения текста обуглившегося документа и т. п. Автор настоящей работы считает, что такие работы, хотя и требуют специальных познаний, но не являются экспертизами. Если бы следователь или работник органа дознания обладал нужными познаниями, то он сам вполне мог бы выполнить эти работы в присутствии понятых в процессе осмотра. Поэтому следует отказаться от назначения экспертиз для выполнения исследовательских работ, не требующих экспертного заключения.

Такая постановка вопроса значительно облегчает следователю проведение исследований в период следствия, когда обвиняемый еще неизвестен, а потому выполнение требований УПК, относящихся к экспертизам, оказывается затруднительным. В то же время облегчаются задачи экспертов криминалистических и некоторых других экспертных учреждений, так как работы не экспертного характера могут успешно и даже с большей пользой для дела выполняться не экспертными учреждениями, в частности, НТО милиции.

В работе проанализирован и ряд других положений, имеющих теоретическое и практическое значение при решении вопросов, связанных с вещественными доказательствами.

В заключение автор считает необходимым еще раз отметить, что предложенные в настоящей работе решения актуальных для теории и практики вопросов, относящихся к вещественным доказательствам, являются далеко не единственными.

На некоторые решения имеются различные взгляды, причем в ряде случаев следует признать их обоснованными. Однако при наличии нескольких решений автор считает необходимым избрать такое, которое, по его мнению, лучше всего отвечало бы поставленным перед советской криминалистикой задачам. Именно в связи с этим особое внимание уделено вопросам укрепления социалистической законности при разрешении вопросов о вещественных доказательствах, так как вне рамок законности не может быть разрешен ни один вопрос, относящийся к советской криминалистике.

Наличие нескольких возможных решений отдельных положений, рассмотренных в настоящей работе, по мнению автора, должно лишь способствовать дальнейшему процессуальным и криминалистическим исследованиям вопросов, связанных с одним из важнейших институтов советского доказа-

тельственого права, каковым является институт вещественных доказательств.

* * *

Основные положения, изложенные в диссертации, опубликованы в следующих изданиях:

1. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. № 6, стр. 57—103.
2. «Советская криминалистика на службе следствия», вып. № 7, стр. 37—70.
3. «Советская криминалистика на службе следствия», № 8, стр. 3—101.
4. Журнал «Социалистическая законность», 1957 г. № 8, стр. 25—30.